

Ю. Н. ДМИТРИЕВ

В число памятников новгородской архитектуры древнейшего периода литература включает церковь „Воскресения на Мячине“.¹ В настоящее время она находится в ведении Новгородского музея. Основаниями для датировки памятника служат его архитектурные формы и сведения летописей. Первая Новгородская летопись сообщает о начале постройки каменной церкви Воскресения „в монастыре“ в 1195 г. и об окончании ее в следующем 1196 г.² Третья Новгородская летопись даст дополнительно топографические указания о ее местоположении: „в Мигре (?) в монастыре, в Людине конце на Красной горке“.³ Третья летопись, как известно, — источник не всегда достоверный, и в данном случае, говоря о Красной горке, она несомненно путает две различные постройки двух различных монастырей: „Красная горка“ (иначе — „Красное поле“) находилась на противоположной (Торговой) стороне Новгорода, в Плотницком конце. Там также был Воскресенский монастырь, основанный вместе с построением деревянной церкви в 1415 г.⁴ Тем не менее, сведения 1195 г. и 1196 г. действительно относятся к рассматриваемому памятнику, расположенному в Людине конце Софийской стороны.⁵

В числе других летописных известий о церкви Воскресения на Мячине 1195—1196 гг. отметим запись 6929

¹ Грабарь И. История русск. иск., т. I, стр. 181, 188 и след.—Некрасов А. И. Византийск. и русск. иск. М., 1934, стр. 78.—Некрасов А. Древнерусск. зодчество, М. 1936 г., стр. 93; и ряд др. соч., в том числе разл.чн. путевод. по Новгороду и описания его памятн., начиная с Макария (Археологич. описан. церквей, древ. в Новг. и его окрестностях, т. I, М., 1860, стр. 541—549). Более полное наименование: „ц. Уверения Фомы в воскресение“.

² П. С. Р. Л., т. III, стр. 22 и 23.

³ П. С. Р. Л., т. III, стр. 217.

⁴ П. С. Р. Л., т. III, стр. 236. В числовой книге Вотской пятины 1582 г. указаны владения „Воскресенского мон. с поля из Обоженск. пятинны с Красной горки“. Временник Общ. Ист. и Древн. Росс., 1850 г., разд. II, стр. 20. Об этой ц. Воскресения см. у Макария, ук. соч., III, стр. 648.—650.

⁵ См. Макарий. Ук. соч., т. I, стр. 541—543.

(1421) года, из которой узнаем о существовании в ней полатей, т. е., хор с приделами: на этих полатах весною производилось богослужение, так как сама церковь была затоплена высокой в тот год водой половодья.¹

Памятник подвергся значительным переделкам.² В древней своей части это — здание обычного четырехстолпного, трехапсидного плана. Все своды, за исключением полукуполов, перекрывающих апсиды, переложены вместе с верхними частями стен в более позднее, чем сам памятник, время. Возможно, что перестройки принадлежат XVII веку, когда после разрушения монастыря при осаде Новгорода шведами были произведены большие восстановительные работы.³ Своды, существующие в настоящее время, сложены значительно ниже первоначальных; это изменяет пропорции здания. Что прежние своды были выше, на это указывает, во-первых, сохранившееся на южной стене под самым сводом поперечного нефа старое окно, которое при устройстве новых сводов и переборке верхней части стены получило необычную укороченную форму и оказалось заложеным извне; во-вторых, ниша вверху среднего деления северного фасада (предназначенная, очевидно, для живописного изображения: дорога к церкви подходит с севера), сильно срезанная новым покрытием. Вместе со сводами переложены и верхние части стен: приплюснутая и неправильная форма закомар и несоответствие их по ширине расстоянию между пилястрами — все это более позднего происхождения. Стены до закомар, апсиды в целом и внутренние столпы с частью арок — древние и принадлежат одному времени.⁴

Подчеркивая такие особенности, как суженное в плане восточное деление, и пониженные боковые апсиды, исследования по новгородской архитектуре связывают памятник с постройками конца XII в. — такими, как церкви Благовещения в Аркаже 1179 г., Петра и Павла на Синичьей горе 1185—1192 г., Георгия в Старой Ладоге (год построения неизвестен) и, наконец, Спаса Преображения в Нередице 1198 г., и рассматривают его как одно из звеньев в образовании новых форм „самобытно-русского зодчества“⁵ в новгородской архитектуре. Особенно подчеркивается связь с церковью Спас-Нередицы, а в „мону-

¹ П. С. Р. Л., т. III, стр. 109.

² Ср. описания памятника, упомянутые в первом примечании.

³ Макарий. Ук. соч., т. I, стр. 544—545.

⁴ Впрочем и их коснулись некоторые менее значительные переделки: в стенах пробиты новые окна и двери, заложены старые и т. д.

⁵ Грабарь. Ук. соч., т. I, стр. 191.

ментальности форм⁴ и в особенностях обработки фасадов усматриваются одним из авторов более старые „традиции мастера Петра“, строителя Георгиевского собора Юрьева монастыря (1119 г.).¹

Обращают, однако, на себя внимание некоторые другие качества, необычные для XII в. Пилястры фасадов выступают из стены слабо, напоминая постройки XIV—XVII вв. Арки, перекинутые со столпов на стены, значительно уже столпов; такие узкие арки характерны для более поздних памятников: мы их находим в XIV,² в XV³ и в XVI⁴ вв. Церковь Воскресения на Мячине, при отсутствии в ней хор с приделами, упомянутых в 1421 г., имеет подвальный этаж,—это, конечно, также признак поздний: среди сохранившихся новгородских памятников подвальные конструкции известны со второй половины XV в. Возможно допустить, что такое устройство церквей восходит к более раннему времени. Именно, в XIV в. новгородские церкви превращаются в хранилища товаров: и раньше в „каменные божницы“ „вбегают“ с товарами во время сильных пожаров,⁵ но с XIV века они становятся местом постоянного хранения „животов крестьянских“, складов, где лежат „у купцов в коробях всякий товар“, „товара множества“, находящегося под охраной нескольких (указываются два) сторожей.⁶ По литературным сведениям можно указать постройку церкви с подвалом уже в начале XV века—в 1419 г.⁷ Наиболее целесообразным и, очевидно, обычным было устройство подвалов с каменными сводами: такие подвалы находим в постройках XVI века, а из построек XV столетия каменные сводчатые подцерковья имеют церкви Иоанна-предтечи на Опоках 1454 г. и Никольская в Гостинополе. Но можно указать и деревянные перекрытия,

¹ Некрасов А. Древнерусское зодчество, стр. 93.

² Ц. Рождества богор. на Городище—1314 г., Федор Стратилат—1360 г., Спас Преображения—1374 и др.

³ Ц. Петра и Павла—1406 г., Василия—1497 г., Ильи пророка—1455 г. и др.

⁴ Ц. Филиппа апостола и некоторые другие.

⁵ П. С. Р. Л., т. III, стр. 35; т. IV, стр. 26.

⁶ П. С. Р. Л., т. III, стр. 66, 80, 95, 102, 104; т. IV, стр. 46, 54, 91—92, 98, 104, 106.

⁷ Ц. Троицы в Михайло-Клопском монастыре, построенная в 1419 г.; в 1569 г. была разобрана: „и зарушиша старую церковь каменную с подцерковью“ (П. С. Р. Л., т. III, стр. 109, 237 и 253). К этому же времени, т. е. к началу XV в., относится и наиболее ранний памятник Псковской архитектуры, имеющий подвал, ц. Василия на Горке, 1413 г. См. Романов К. К. Псков, Новгород и Москва в их художественных взаимоотношениях. Изв. Академии Истории Материальной Культуры, т. IV, стр. 214.

отделяющие подвальный этаж от верхнего, например, перковь Симеона 1467 г. в Зверине монастыре (помимо ряда зданий, перестроенных в двухэтажные в более позднее время).¹ Межэтажное перекрытие церкви на Мячине также деревянное; оно лежит на стенах и на столпах, которые вследствие этого в нижней, в подвальной, части шире, чем сверху, а западные столпы имеют внизу иную, удлиненную форму и связаны со стенами арками. Кладка столпов и стен совершенно однородна и, следовательно, устройство двух этажей современно первоначальному зданию.

Изучение этой кладки приводит к решающему возражению против принятой датировки. Как известно, и материал и техника кладки новгородских построек XI—XII вв., XIV—XV вв. и XVI в. (вместе с некоторыми постройками XV в.) различны. Кладка рассматриваемого памятника типична и характерна для XIV—XV столетия. Главным материалом служат блоки известняка довольно крупного размера; из этих плит выложены стены и столпы, кирпич в стене встречается лишь местами, единично: им выравнены отдельные неправильности в рядах кладки. Из кирпича сложены: арки, своды апсид, пилястры фасадов, откосы окон. Кирпич—типичной для XIV—XV вв. формы: 27×6,5—7×14,5—15 см. Среди кирпича в кладке стен иногда, действительно, встречается плоский широкий кирпич XII в., но в расположении его нет никакой правильности, лежит он так же, как и крупный кирпич, и вперемежку с последним: очевидно, здесь, подобно некоторым другим постройкам XV—XVI вв., использован материал более старого, разрушенного здания. Кладка церкви Воскресения на Мячине подобна, например, кладке церкви Рождества на кладбище (1382) и Петра и Павла на Софийской стороне (1406) (здесь она хорошо видна в подвалах).

По всем этим особенностям церковь „Воскресения на Мячине“ должна быть датирована вне пределов XII в., и, с другой стороны,—до XVI столетия, когда техника кладки вновь изменяется, т. е., дата ее построения должна принадлежать XIV—XV вв. и вероятнее всего—времени после 1421 г., к которому относится известие о хорах, несуществующих в настоящей постройке.

Действительно, в так называемой Летописи Авраамки читаем под 6973 (1465) г. следующее: „...заложена церковь каменная Воскресения Христова великая улица Воскресен-

¹ Мясоедов Е. К. Никола Липный. Сборник Новгород. Общ. Любителей Древности, вып. III.

ская; а старая нарушилась"¹. Великая улица Воскресенская в литературе по исторической топографии Новгорода не известна². Место, где находится памятник, в настоящее время носит название Воскресенской слободы; так оно названо и на плане, составленном по данным межевания XVIII в. и изданном Муравьевым³. Слобода расположена длинной кривой улицей, оканчивающейся кладбищем и двумя церквями. То, что нынешняя Воскресенская слобода и древняя Воскресенская улица (с эпитетом „великая“ или без него) одно и то же, доказывается прежде всего известиями о постройке в 1421 году каменной церкви Ивана Милостиваго, местоположение которой Первая, Вторая, Третья и Четвертая Новгородские летописи указывают в Людиев конце, а та же Летопись Авраамки—на Воскресенской улице; эта улица находилась, следовательно, в том же районе (в том же конце), что и пышная слобода. Несомненно, что речь идет о церкви, существующей и в настоящее время, хотя и в сильно перестроенном виде, и находящейся в Воскресенской слободе, рядом с церковью Воскресения: ранее она принадлежала тому же монастырю⁴. Эта Воскресенская улица описана в писцовой книге Новгорода 80-х годов XVI века.⁵ Местоположение ее обозначено в „Горончарском конце за городом... от Воскресенья Христова на Всполья“. Население ее составляли, главным образом, ремесленники разнообразных профессий, более всего гончары, число дворовых мест равнялось 55, оправдывая название улицы „Великой“; однако, во время переписи почти все дворы стояли пусты: результат разгрома Новгорода Грозным.

Датой построения рассматриваемого памятника является, следовательно, 1465 год.

Известен ряд случаев, когда в XIV столетии старые постройки XII—XIII вв. заменялись новыми зданиями. Тогда, когда эти запово перестроенные церкви дошли до нашего времени, мы видим в них характерные формы нового, возникшего в конце XIII и развившегося в XIV в. стиля (точно также и XVI в. перестраивает здания в со-

временных ему формах). Реконструкция форм новгородской архитектуры XII в. в памятнике XV в. представляется своеобразным явлением: оно получает значение рядом с другими фактами.

В течение XV столетия усиленно возобновляются древние церкви. В летописных сообщениях об их перестройке часто подчеркивается сохранение оснований стен старого здания. Повидимому, дело заключается не только в том, чтобы использованием прежних фундаментов облегчить строительные работы. В 1454 г. по повелению архиепископа Евфимия была разобрана церковь Иоанна-предтечи на Петрятине дворе (на Опоках)—постройка Всеволода Мстиславовича 1127—1130 гг. и одно из важнейших церковных сооружений феодального Новгорода; в том же году было закончено новое здание: оно воспроизводит общую структуру шестистолпных церквей первой половины XII в., уклоняясь от них в деталях и изменяя пропорции; устроен кроме того подвальный этаж. Очень вероятно, что новое здание использовало основание первоначальной постройки, хотя летопись, отмечая такой факт для другой строительной работы того же года, ничего не говорит в отношении церкви Иоанна-предтечи. В следующем 1455 г. была перестроена церковь Ильи пророка на Славне, первоначальное здание которой было заложено в 1198 г. и закончено в 1202 г. Летопись указывает сохранение старого основания. Действительно, новая постройка восстанавливает те характерные для второй половины XII в. формы, которые мы знаем по целому ряду памятников. Ее план с другой стороны очень близок к плану церкви Воскресения на Мячине; оба здания почти одинаковы в своих размерах. Это—также четырехстолпная постройка с суженным восточным делением, с тремя апсидами, с позакомарным покрытием по коробовым сводам, одноглавая; с запада к ней примыкал притвор. Более позднее время сказывается в приземистых, придавленных пропорциях, особенно внутри, и в целом ряде деталей.¹

¹ К этим двум памятникам следует добавить, во-первых, Преображенский собор в Старой Руссе, построенный в 1442 году „на старой основе“ здания 1198 года. Этот памятник вторично был перестроен в XVII веке, но нижняя часть его стен принадлежит XV веку и по ней можно судить, что в 1442 году были воспроизведены формы древней церкви (сравни: Макарий. Описание г. Старой Руссы, 1865 г., стр. 42—43). Во-вторых, следует добавить некоторые из летописных записей о сооружении новых церквей „на старой основе“ построек XII века: „Бориса и Глеба“ (в 1445 году), „Жен Мироносиц“ (1445 г.), „Богородицы на Торгу“ (1458 г.).

¹ П. С. Р. Л., т. XVI.

² Муравьев Н. И. Исторические исследования о древностях Новгорода. СПб., 1828 г.—Красов И. О местоположении древнего Новгорода. Н. 1877 г.—Прозоровский Д. Новгород и Псков по летописям. СПб., 1887 г.

³ Муравьев Н. И. Ук. соч.

⁴ Макарий. Ук. соч., т. I, стр. 541—549.—Грабарь, т. I, стр. 257.

⁵ Майков В. В. Книга писцовая по Новгороду Великому... СПб., 1911, стр. 190—195.

Пятнадцатый век в Новгороде — время большой строительной деятельности, характер и основные тенденции которой остаются покамест не совсем выясненными. Небольшое количество сохранившихся памятников принадлежит в значительной своей части, несомненно, к числу второстепенных сооружений. В них повторяется с небольшими изменениями (подчерковье) упрощенный во внешних формах и уменьшенный в пропорциях тип здания, созданный предшествующим столетием: кубическая постройка с фронтонным завершением фасадов, одноапсидная, одноглавая, с декоративными узорами кирпичной кладки арочных поясов, крестов и пр. И вместе с тем этот период в истории новгородской архитектуры сложнее, чем то принято думать. Происходит огромное строительство; в течение 70 лет (до разгрома 1471 года) в Новгороде построено приблизительно столько же, сколько за все предшествующее столетие. Большую роль в этом строительстве играют крупное купечество, боярство и, особенно, архиепископ — самый большой землевладелец Новгорода и глава Новгородского „Правительственного Совета“: его инициативе обязано до одной четверти всех построек. К участию в работе привлекаются западные мастера: памятником их деятельности является готическое здание Грановитой Палаты. Совершенствуется строительная техника. Ставятся новые задачи возникающим большим гражданским строительством. Отстраивается многочисленными и разнообразными по своему назначению каменными зданиями резиденция новгородских архиепископов и центр правительственной деятельности — архиепископский двор в Кремле, где до этого времени была лишь одна каменная постройка (исключая церкви). Мы знаем о появлении новых архитектурных форм, напр., башеннообразных церквей, которые сыграют впоследствии — уже в московской архитектуре — большую роль.

Три упомянутых памятника и ряд летописных записей вскрывают новую для нас сторону новгородской архитектуры середины XV в. — усиленную „реставрацию“ сооружений ранне-феодалного периода. Для Новгорода XV в. такая тенденция чрезвычайно характерна и показательна. Это — время обостренной социальной и внешнеполитической борьбы, восстаний против „бесправдивых бояр“, движений против господствующей религии и церкви, надежд найти „управу“ у московского царя и с другой стороны, это — время активизации реакционных, консервативных сил: боярства и церкви, их борьбы с Москвой за политическую независимость Новгорода, т. е., за свое господство, и в связи со всем этим — идеализация прошлой истории Новго-

рода. Обращение к древним формам архитектуры, бережливая „реставрация“ древних зданий — явление, таким образом, отнюдь не случайное. Оно тем интересно и важно, что отражает в себе определенное направление в идеологии этого столетия. Можно напомнить для сопоставления то, что делалось в это время в области литературы: в середине XV века при новгородском архиепископе Евфимии начинается собрание и редактирование повестей и сказаний о важнейших событиях и деятелях новгородской истории. Прошлое Новгорода должно было дать идейную поддержку внутренней и внешней борьбы бояр и церкви.